

Ж-373

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ имени Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С Б О Р Н И К
МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

XV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1953 ЛЕНИНГРАД

Свадебные лицевые занавески горных таджиков

Н. А. Кисляков

Внимание исследователей, занимавшихся культурой и бытом горных таджиков, неоднократно привлекали весьма красочные и необычайно яркие, расшитые шелковыми нитками различных цветов и оттенков женские лицевые занавески, носящие название *рубанд* или *чашмбанд*, что может быть соответственно переведено как 'лицевое покрывало' или 'покрывало для глаз' (от *ру* 'лицо', *чашм* 'глаз', *банд* основа наст. врем. глагола 'закрывать').

Занавески эти, возможно, более широко распространенные в старину, в настоящее время встречаются крайне редко; однако, по свидетельству отдельных путешественников конца XIX—начала XX в., т. е. примерно лет 50—60 тому назад, рубанды также уже не имели широкого распространения в быту и встречались главным образом в зажиточных семьях.

Интересовавшийся предметами изобразительного искусства и собравший в конце XIX в. значительную коллекцию рубандов А. А. Бобринской в вводной статье к изданному им альбому сообщает следующее: „Никогда в Дарвазе занавески в общем употреблении не были; они были достоянием женщин из более зажиточных семей; в старину носились более, чем теперь, когда их употребляют только в исключительно торжественных случаях“. А. А. Бобринской указывает также, что „в противоположность остальным вышивкам и чулкам, повсеместно встречаемым в Дарвазе, занавески имели, как кажется, всегда ограниченное распространение“.¹

В 1903 г. А. А. Семенов, касаясь рубандов, писал: „Женщины из зажиточных семей в праздники и в особо торжественных случаях для закрывания лиц употребляют особые покровы (чашбан или рубан), расшитые шелками по бумажной материи... При этом следует заметить, что подобные лицевые покрывала ныне не в таком ходу: прежде, по словам туземцев, их носили больше“.²

Собиравший образцы народного орнамента четверть века спустя, М. С. Андреев отмечает: „Ру-банды в настоящее время попадают очень редко... Новых ру-бандов, по отзывам таджиков, больше не де-

¹ А. А. Бобринской. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). М., 1906, стр. 17.

² А. А. Семенов. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903, стр. 30.

лают и сохранившиеся можно рассматривать поэтому, как образцы старого, исчезающего искусства".¹

Рубанды, имевшиеся в той или другой семье, обычно передавались по наследству по женской линии, от матери к дочери, и хранились в доме как семейные реликвии; "...они ценятся горцами как старые семейные вещи, бережно передаваемые по наследству, — пишет А. А. Бобринской, — до сего времени иногда вышивают подобные же занавески по старым образцам".²

Вследствие этого владельцы рубандов весьма неохотно расстаются с ними и приобрести рубанды, даже в дореволюционное время, когда их было больше, всегда было значительно трудно. А. А. Бобринской в указанной вводной статье отмечает, что во время поездки им приобретались все доставляемые занавески и все же, в конце концов, их набралось всего только 14 штук. То же примерно сообщает и М. С. Андреев, сотрудникам экспедиции которого в 1925 г. удалось видеть в разных местах на пути от Ях-Су до Шугнана всего 15 рубандов, из которых приобретено 13 экземпляров.

Все собранные А. А. Бобринским рубанды опубликованы им в указанной выше работе „Орнамент горных таджиков Дарваза“.³ 12 рубандов даны на таблицах, 3 из них — в красках; два дополнительных снимка, насколько можно судить по таблице IX альбома, представляют собой лишь фрагменты занавесок и включены в общую сборную таблицу вышивок. М. С. Андреев из числа собранных им лицевых занавесок опубликовал только одну, притом в мелком масштабе, в виде фотографии в тексте.⁴

Этим, собственно, и ограничивается все то, что опубликовано до настоящего времени по лицевым занавескам горных таджиков — рубандам.

Целью настоящей работы является опубликование некоторых, доступных нашему ознакомлению рубандов, имеющих в Ленинграде, а также изложение вопросов, связанных с их бытованием и назначением.

В нашем распоряжении имеется 10 рубандов. 5 из них находится в коллекционных собраниях Отдела Передней и Средней Азии Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР (МАЭ), 3 — в собраниях Отдела Средней Азии Государственного Музея этнографии народов СССР (ГМЭ), а 2 принадлежат автору этих строк.

Прежде чем перейти к описанию указанных предметов, скажем несколько слов о районе распространения рубандов в горном Таджикистане. Для решения этого вопроса мы можем привлечь все 23 известные нам рубанда, поскольку происхождение их более или менее точно локализовано. А. А. Бобринской под фотографией каждого рубанда указывает кишлак, в котором он приобретен (за исключением двух фрагментов); то же самое сделано и М. С. Андреевым в отношении сфотографированного и помещенного им в своей книге экземпляра; наконец, место происхождения рубандов, имеющих в Ленинграде, нам также известно.

Приведем эти данные (см. „Схему распространения лицевых занавесок — рубанд“). Из 12 рубандов Бобринского 2 приобретено в кишлаке Лоджирк и 1 — в кишл. Рога (верхнее течение р. Хингоу), 3 — в кишл. Арганкун и 1 в кишл. Иштиун (среднее течение р. Хингоу), 1 — в кишл.

¹ М. Андреев. Орнамент горных таджиков и киргизов Памира. Ташкент, 1928, стр. 17.

² А. А. Бобринской, ук. соч., стр. 17.

³ Там же, табл. I—IX.

⁴ М. Андреев, ук. соч., стр. 16.

Тавильдара (нижнее течение р. Хингоу), 1 — в кишл. Кеврон (Дарваз), 1 — в кишл. Джорф (Дарваз), 1 — в кишл. Рохарв (долина р. Ванджа), 1 — в кишл. Тальбар (долина р. Ях-Су); рубанд М. С. Андреева приобретен в кишл. Арганкун (среднее течение р. Хингоу); 2 рубанда,

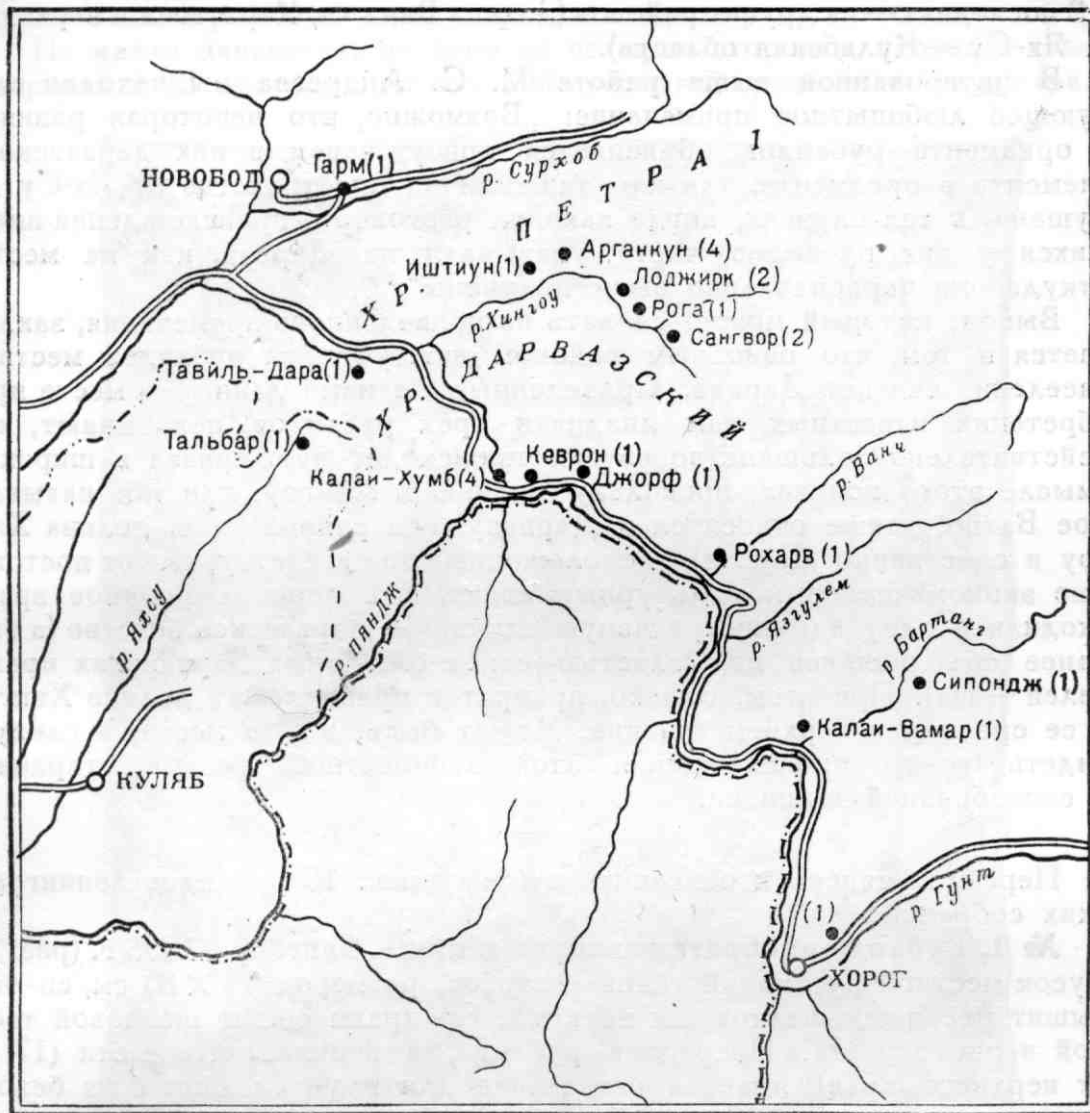

Схема распространения лицевых занавесок — рубанд.

принадлежащие автору, приобретены в кишл. Сангвор (верхнее течение р. Хингоу); экземпляры МАЭ происходят: 1 — из Калаи-Хумба (Дарваз), 1 — из Гарма (Каратегин), 3 — из припамирских районов, приобретены в кишл. Калаи-Вамар (Рошан), кишл. Сипондж (Бартанг) и в долине Гунта (Шугнан); экземпляры, принадлежащие ГМЭ, — 2 из Калаи-Хумба (Дарваз), 1 — также из Дарваза (кишлак не указан, на карте отнесен к Калаи-Хумбу).

Суммируя все эти сведения, мы видим, что из 23 рубандов почти половина, а именно 11 штук, приобретены в долине р. Хингоу (в так называемом Вахио). При этом любопытно, что 4 рубанда приобретены в одном кишлаке, а именно в кишл. Арганкун, а 5-й в кишл. Иштиун, расположенном в нескольких километрах от Арганкуна, на среднем течении Хингоу; другие 5 рубандов из Вахио приобретены в трех

кишлаках верхнего течения р. Хингоу — в Сангворе, Рога и Лоджирке, также расположенных друг от друга на весьма небольшом расстоянии; лишь 1 экземпляр приобретен в районе нижнего течения реки. Из остального числа рубандов 6 происходят из Дарваза (центр Дарваза — Калаи-Хумб и ближайшие к нему кишлаки), 3 — из припамирских районов и 3 последних — из других районов (долина Ванджа, Каратегин и верховья р. Ях-Су — Кулябская область).

В цитированной выше работе М. С. Андреева мы находим следующее любопытное примечание: „Возможно, что некоторая разница в орнаменте рубандов объясняется присутствием в них дарвазского элемента в орнаменте, так как таджики на пространстве от Ях-Су до Рушана, в тех случаях, когда заходил разговор о происхождении имевшихся у них рубандов, часто указывали на Дарваз, как на место, откуда они первоначально были получены“.¹

Вывод, который можно сделать из приведенного примечания, заключается в том, что основным районом изготовления рубандов местное население считает Дарваз. Приведенные же нами данные о месте приобретения известных нам двадцати трех рубандов показывают, что действительно большинство из них происходит из Дарваза в широком смысле этого понятия, поскольку долина р. Хингоу, или так называемое Вахио, также относится к Дарвазу; оба района (т. е. долина Хингоу и собственно Дарваз), расположенные по соседству, имеют постоянные экономические и культурные связи, а в дореволюционное время входили в одну административную единицу — дарвазское бекство (а еще ранее объединялись под властью самостоятельных дарвазских правителей — ша). При этом, однако, приоритет принадлежит долине Хингоу в ее среднем и верхнем течении. Может быть, в этих местах и следует видеть центр происхождения этой любопытной, весьма старинной и своеобразной вышивки.

Перейдем теперь к описанию публикуемых 10 рубандов ленинградских собраний.

№ 1. Рубанд приобретен автором в кишл. Сангвор в 1933 г. (рис. 1). Кусок местной кустарной ткани — карбос, размером 75×85 см, сплошь вышит цветными шелковыми нитками. По краям обшит шелковой тесьмой черного цвета. Посредине рубанда, в верхней его части (17 см от верхнего края), имеется сетка-филе для глаз, сделанная из белого шелка, размером 7×12 см. По краям рубанда видны следы подкладки из шелковой цветной материи. В верхних углах прикреплены тесемки-завязки, плетеные из шелковых ниток, с кисточками красного шелка на концах (одна тесемка оторвана).

Орнамент. Центральное поле занавески представляет собой прямоугольник, размером 34×50 см, горизонтально разделенный красными вышитыми полосами на три части. В верхней части, шириной в 12 см, помещается указанная выше сетка; сетка эта заключена в рамку, орнаментированную мелкими изображениями птиц (всего 12 штук), отделенными одно от другого треугольниками; по обеим сторонам рамки — орнамент в виде стилизованных деревьев с завитками, кончающимися розетками. В средней части, шириной в 18 см, вышиты изображения двух больших птиц, обращенных головами в одну сторону, направо; их разделяет стилизованное изображение дерева, имеющего основанием треугольник с зубчиками; в нижних углах поля помещены два прямо-

¹ М. Андреев, ук. соч., стр. 17.

угольных треугольника. Нижняя часть представляет собой полосу, шириной в 20 см, сплошь покрытую крупными розетками, расположенными в три ряда: между розетками помещены мелкие крестообразные фигурки и ромбы. Центральное поле занавески с трех сторон (по бокам и снизу) обрамлено каймой, шириной в 7 см; кайма эта орнаментирована двумя видами розеток, чередующихся в одном ряду.

По краям занавески, по всем ее четырем сторонам, проходит кайма, шириной в 13 см, орнамент которой повторяет среднюю часть централь-

Рис. 2. Лицевая занавеска. Кишлак Сангвор (Принадлежит автору).

ного поля занавески: он состоит из изображений птиц, отделенных друг от друга стилизованными деревьями с зубчатыми треугольниками, образующими их основание; каждая из птиц в нижней своей части также снабжена зубчиками, а в верхней — завитками, напоминающими мелких птичек.

Вся вышивка на рубанде исполнена гладью, шелковыми нитками различных цветов. При этом все изображения птиц выполнены цветами красных оттенков (яркокрасный, темнокрасный, вишневый); остальные части орнамента, кроме красных оттенков, имеют еще следующие цвета — светлозеленый, темнозеленый, желтый, лиловый, голубой, синий.

№ 2. Рубанд приобретен автором в кишл. Сангвор в 1933 г. (рис. 2).

Кусок карбоса, размером 75 × 75 см, сплошь вышит цветными шелковыми нитками. По краям обшит шелковой тесьмой черного цвета,

сохранившейся лишь местами. Посредине рубанда в верхней его части (12 см от верхнего края) сделана для глаз сетка-филе, размером 5.5×11 см из белого шелка. Подкладки нет, также нет и завязок.

Орнамент. Центральное поле занавески представляет собой прямоугольник, размером 26×38 см, разделенный на две части. В верхней

Рис. 3. Лицевая занавеска. Кишлак Калай-Хумб. (МАЭ, колл. № 4986-4).

части, шириной в 18 см, помещены изображения двух птиц, головами друг к другу, и разделяющего их стилизованного дерева с треугольником в основании, а также по одному треугольнику в нижних углах. В нижней части два ряда розеток, крупных внизу и крестообразных, мелких сверху.

Сетка для глаз, помещающаяся выше центрального поля, окаймлена неширокой рамкой, орнаментированной мелкими розетками.

Вокруг центрального поля расположены две каймы, орнаментированные розетками; внутренняя кайма, шириной в 6.5 см, обрамляет

Рис. 1. Лицевая занавеска. Кишлак Сангвор.
(Принадлежит автору).

Рис. 4. Лицевая занавеска. Кишлак Гарм. (МАЭ,
колл. № 4986-3).

центральное поле с трех сторон — снизу и по бокам; внешняя кайма, шириной в 8 см, идет по всем четырем сторонам, но наверху прерывается прямоугольником с сеткой для глаз.

По краям всего полотна проходит кайма, шириной в 8—9 см; она орнаментирована изображениями птиц и разделяющих их треугольников, снабженных зубчиками и двойным завитком вверху, изображающим, вероятно, сильно стилизованное дерево; в середине каймы по нижнему и верхнему краям — более разработанные изображения деревьев с маленькими зубчатыми треугольниками по бокам.

Изображения птиц центрального поля, большие по размеру, снабжены зубчиками внизу, а в верхней части — завитками, напоминающими мелких птичек; более мелкие птицы внешней каймы зубчиков не имеют. Завитки в верхней части на них мало развиты.

Вышивка исполнена шелковыми нитками различных цветов. Птицы вышиты красным шелком; кроме красного цвета в орнаменте встречаются цвета — светлозеленый, темнозеленый, лиловый, синий.

№ 3. Рубанд из коллекции МАЭ, № 4986-4 (рис. 3). Приобретен в 1943 г. Н. Н. Ершовым в Сталинабаде от жителя Калаи-Хумба. Кусок карбоса, размером 60×74 см, сплошь вышит цветными шелковыми нитками. Подкладка из ситцевой цветной материи. В верхних углах завязки — зеленая плетеная тесьма с кисточками. Посредине в верхней части рубанда сетка-филе для глаз из белых шелковых ниток, размером 8×11 см (10 см от верхнего края). Края обшиты плетеной черной тесьмой.

Орнамент. Центральное поле — прямоугольник, размером 20×40 см, разделенный горизонтально на три части. В верхней, шириной в 10 см, помещается сетка для глаз, с трех сторон окруженная каймой с розетками; по краям — вертикальные желтые полосы, одна из них не вышита. В средней части, шириной в 10 см, — изображение двух птиц, головами друг к другу, между ними стилизованное дерево на треугольном основании с зубчиками по сторонам; птицы в своей нижней части также имеют зубчики, а в верхней — различной формы завитки, на нижних углах вышиты прямоугольные треугольники. В нижней части, шириной в 20 см, поле вышито розетками; в свободных пространствах между ними помещены малые розетки.

Центральное поле с трех сторон (с боков и снизу) обрамлено каймой, шириной в 9 см, заполненной крупными розетками двух типов, чередующимися между собой.

По краям полотна — кайма, шириной в 10 см. На ней изображены пары стилизованных птиц, лишенных голов и соединенных туловищами. Нижняя часть изображений птиц снабжена зубчиками, на спинах нечто вроде дерева; на каждом хвосте помещена маленькая птичка; птицы разделены стилизованными деревьями, с треугольными основаниями и с зубчиками по сторонам.

Все изображения птиц вышиты шелками красного цвета; кроме красного цвета, в остальном орнаменте — зеленый, желтый, голубой, синий, лиловый, фиолетовый и черный цвета.

№ 4. Рубанд из коллекции МАЭ, № 4986-3 (рис. 4). Приобретен в 1932 г. Н. Н. Ершовым в Гарме. Кусок карбоса, размером 58×74 см, сплошь вышит цветными шелковыми нитками. По краям обшит шелковой тесьмой черного цвета. Подкладка из ситцевой цветной материи. Завязки оборваны. Посредине рубанда, в верхней части (15 см от верхнего края), сетка для глаз, представляющая собой филе из белых шелковых ниток грубой работы, размером 5×9 см.

Орнамент. Центральное поле, размером 24×42 см, разделено на четыре вертикальных полосы, из них две крайние, шириной по 5 см, тянутся вдоль всего поля; две средние, шириной по 7 см, снизу доходят только до середины поля. Остальная часть сверху поля заполнена четырьмя горизонтальными полосами, в верхней из них находится сетка для глаз и окаймляющая ее рамка; остальные три узкие полосы расположены под ней; все эти полосы заполнены различными розетками, за исключением третьей сверху, которая имеет орнамент из трех грубо вышитых небольших птичек и разделяющих их треугольников.

Рис. 5. Лицевая занавеска. Кишлак Калаи-Вамар. (МАЭ, колл. № 2352-13).

По краям всего полотна идет широкая кайма (17 см по бокам, 15 см снизу и 13 см сверху), заполненная изображениями крупных птиц, снабженных зубчиками внизу и завитками вверху; на хвосте каждой птицы сидит по маленькой птичке; между птицами — треугольники с зубчиками; в верхней и нижней части каймы посередине, а также вкось на каждом из углов помещены стилизованные изображения деревьев.

Все изображения птиц вышиты шелковыми нитками красного цвета различных оттенков; помимо того, в орнаменте имеются зеленый, голубой, синий, желтый и черный цвета.

№ 5. Рубанд (в описи чашмбанд) из коллекции МАЭ, № 2352-135 (рис. 5). Приобретен И. И. Зарубиным в 1914 г. в кишл. Калаи-Вамар

(Рушан). Кусок бумажной ткани, сплошь вышит белыми шелковыми нитками, вышивка филе. Сверху к нему пришита полоса цветной вышивки, шириной в 6 см. Размер всей занавески 52×63 см. По углам цветной вышивки прикреплены плетеные тесемки-завязки, с кисточками, длиной до 50 см каждая. Цвет кисточек — синий, зеленый, фиолетовый, оранжевый.

Орнамент вышивки филе. По краям расположена рамка из нескольких полос, в центральном поле — косые перекрещивающиеся полосы с фигурами, комбинируемыми из больших и малых квадратов.

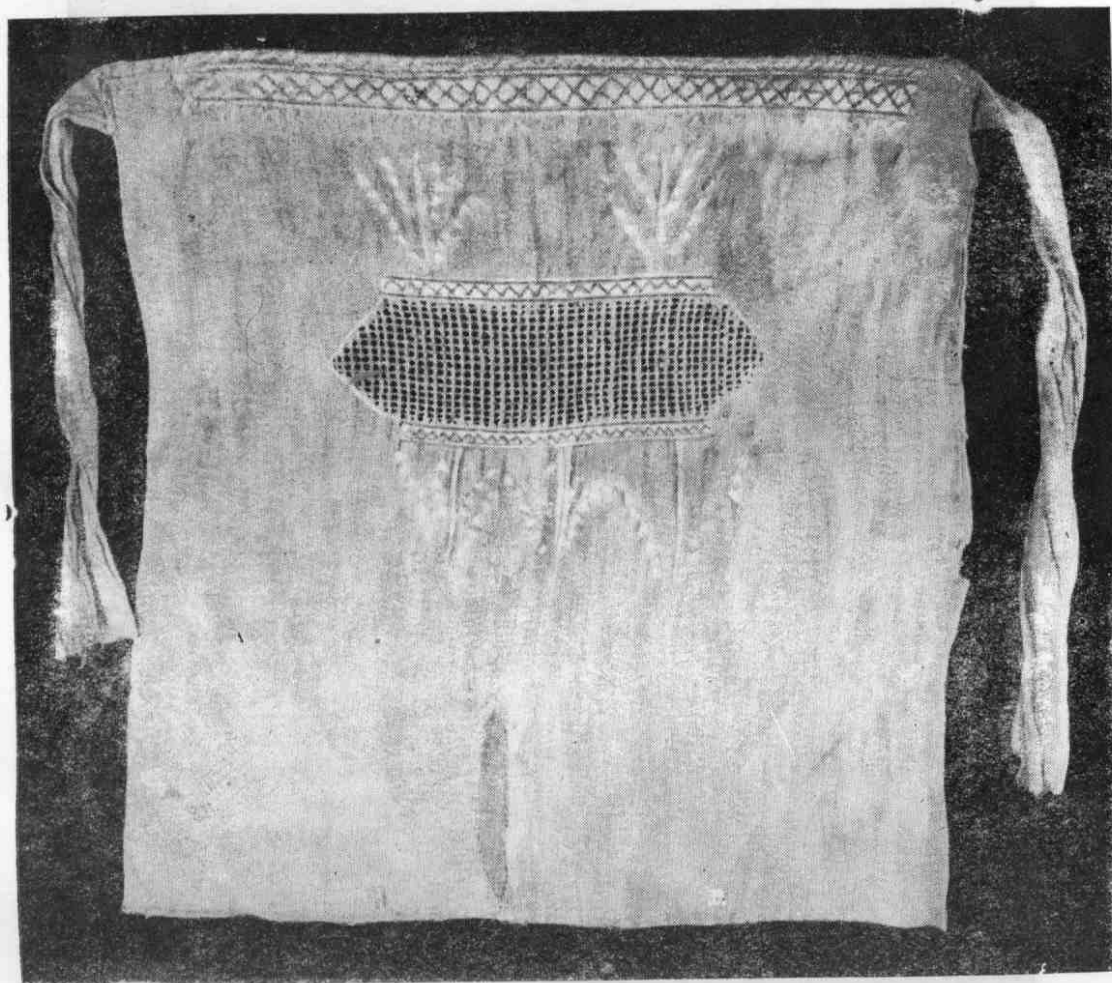

Рис. 6. Лицевая занавеска. Долина р. Гунт. (МАЭ, колл. № 2674-45).

Орнамент цветной вышивки. Обрамление состоит из нескольких рядов линий, внутри — два вида чередующихся розеток, из них один вид розетки имеет с двух сторон по фигуре, напоминающей наконечник стрелы: между розетками — завитки, заканчивающиеся ромбом. Фон полосы — красный, розетки — зеленые, стрелки — желтые, завитки — фиолетовые.

В описи указано, что занавеска носилась только в самых торжественных случаях. Описанный экземпляр приобретен у женщины, мать которой — уроженка Читрала.

№ 6. Рубанд (в описи чашмбанд) из коллекции МАЭ, № 2674-45 (рис. 6). Приобретен И. И. Зарубиным в 1916 г. в долине р. Гунт (Шугнан). Представляет собой кусок белой бумажной материи, разме-

ром 25×27 см, с вырезом для глаз, зашитым сеткой из белых шелковых ниток работы филе, размером 3.5×12 см (7 см от верхнего края). В верхних углах — завязки из той же материи.

Вышивка на занавеске сделана белыми шелковыми нитками и занимает небольшую ее часть. Наверху вышита узкая полоска, содержащая узор из ромбов, небольших треугольников и зигзагообразной линии;

Рис. 7. Литевая занавеска. Кишлак Сипондж. (МАЭ, колл. № 2674-16).

вверху и внизу сетки для глаз имеется по полоске, прошитой зигзагообразными линиями. Выше и ниже вышиты фигуры, напоминающие стилизованные деревья: прямые вертикальные линии — стволы, и расходящиеся уступами мелкие треугольники — ветви.

№ 7. Рубанд (з описи чашмбанд) из коллекции МАЭ, № 2674-46 (рис. 7). Приобретен И. И. Зарубиным в 1916 г. в кишл. Сипондж (долина р. Бартанг). Представляет собой кусок белого тюля на кисейной подкладке. Сверху пришта зеленая бархатная кайма, к которой прикреплены завязки из карбоса. Размеры всей занавески 40×47 см, ширина каймы 7 см. На том месте, где приходятся глаза, кусок подкладки вырезан.

№ 8. Рубанд из собраний ГМЭ, № 19-89 (рис. 8). Приобретен С. М. Дудиным в Самарканде в 1901 или 1902 гг., изготовлен в Дарвазе, точное место не указано. Кусок карбоса, размером 60×72 см, обшит черной шелковой тесьмой. Подкладки нет, завязки оборваны.

Рис. 8. Лицевая занавеска. Дарваз. (ГМЭ, колл. № 19-89).

В верхней части (10 см от верхнего края) имеется сетка для глаз из белых шелковых ниток работы филе, размером 8×13 см.

Орнамент. Центральное поле, размером 28×48 см, разделено на пять горизонтальных полос. В верхней полосе, 14 см шириной, помещена сетка для глаз, вокруг нее рамка, зашитая красным шелком; незашитые места образуют белые розетки; по краям расположены две полосы с крестообразными фигурами, соединенными линиями. Вторая полоса, шириной 6 см, содержит ряд таких же фигур. В третьей полосе, шириной 14 см, помещены изображения двух больших птиц, головами друг к другу, а между ними стилизованное дерево; птицы в нижней

части имеют зубчики, в верхней части — завитки; в двух нижних углах — изображения маленьких птиц. Четвертая полоса, шириной 6 см, повторяет вторую. В пятой полосе, шириной 8 см, помещен ряд розеток.

Вокруг центрального поля, с трех сторон (по бокам и снизу) проходит кайма, шириной 8 см, на ней ряд розеток сложного узора.

Рис. 9. Лицевая занавеска. Кишлак Калаи-Хумб. (ГМЭ, колл. № 3552-4).

По краю всего полотнища проходит широкая кайма, на которой помещены изображения больших птиц, а между ними — маленькие птицы; у каждой крупной птицы сзади имеются зубчики, а сверху — завитки.

Большинство изображений больших птиц внешней каймы вышито нитками красных оттенков, три из них — черными нитками, а шесть — лиловыми; в центральном поле большие птицы — красные, маленькие — зеленые; цвета остального орнамента — красный, черный, синий, желтый.

№ 9. Рубанд из собраний ГМЭ, № 3522-4 (рис. 9). Приобретен в 1915 г. от Н. Н. Тутурина, из кишл. Калаи-Хумб. Представляет со-

бой кусок карбоса, размером 60×72 см. Обшит черной шелковой тесьмой. Подкладки нет. От завязки сохранилась только часть шнура. В верхней части (9 см от верхнего края) имеется сетка для глаз, состоящая из белых шелковых ниток работы филе, размером 7×11 см.

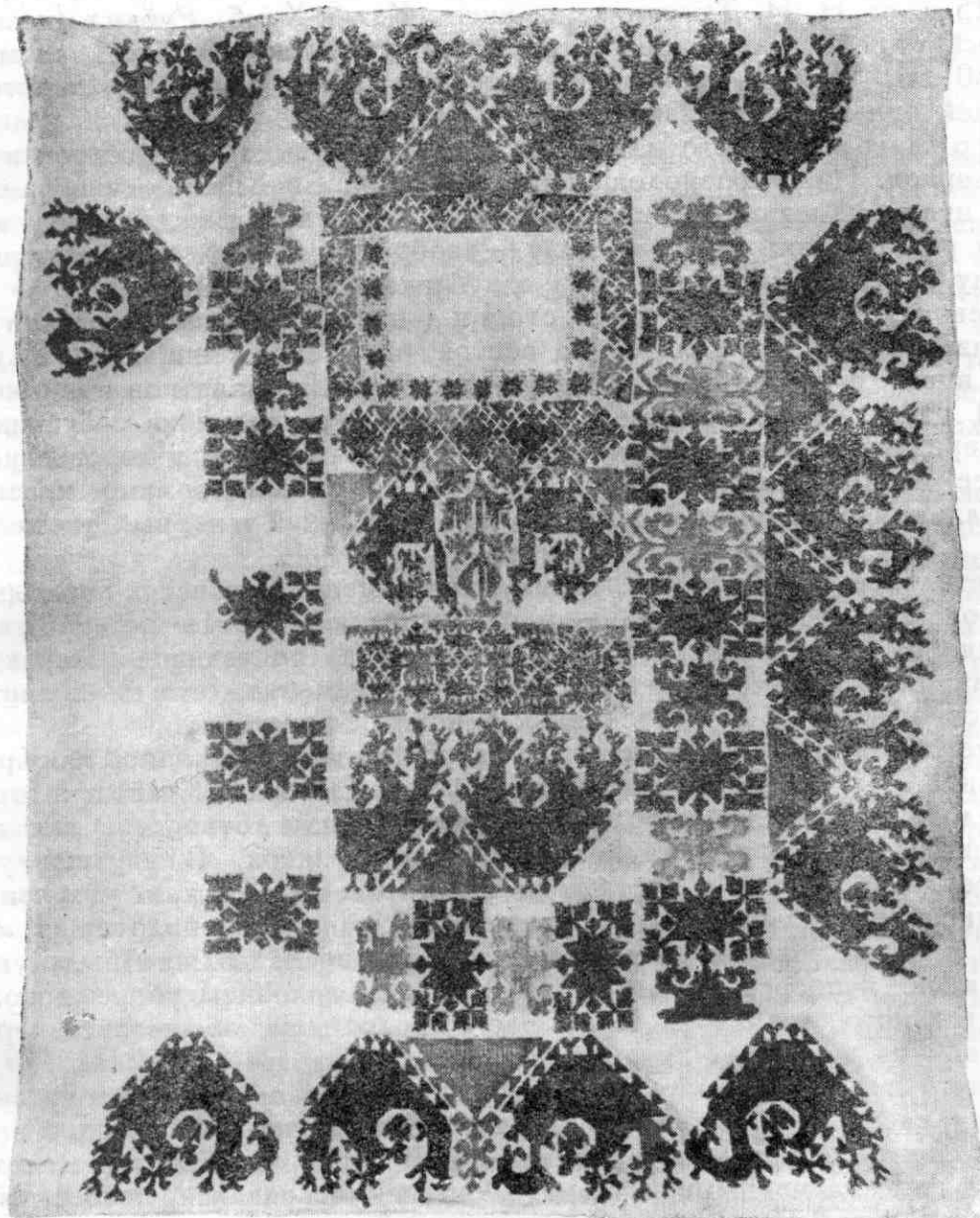

Рис. 10. Лицевая занавеска. Кишлак Калаи-Хумб. (ГМЭ, колл. № 3522-5).

Орнамент. Центральное поле, размером 16×34 см, состоит из трех частей. В верхней части, шириной 12 см, вокруг сетки для глаз расположена рамка из розеток. Средняя часть, шириной в 5 см, орнаментирована фигурками стилизованных деревьев. Нижняя часть, шириной 17 см, представляет собой поле, покрытое розетками.

Вокруг центрального поля идут две каймы, опоясывающие его с трех сторон (снизу и с боков), одна из них шириной в 8 см, другая — в 7 см. Орнамент их состоит из розеток двух типов.

По краям полотнища — кайма, шириной в 5 см. На ней даны изображения птиц с зубчиками в нижней части и завитками на головах; птицы разделены треугольниками с зубчиками.

Все птицы вышиты красными нитками различных оттенков; цвета остального орнамента — красный, желтый, зеленый, синий и оранжевый.

№ 10. Рубанд из собраний ГМЭ, № 3522-5 (рис. 10). Приобретен в 1915 г. от Н. Н. Тутурина, из кишл. Калаи-Хумб. Рубанд (незаконченный) представляет собой вышивку на куске карбоса, размером 63×80 см. Вверху оставлено место для сетки, вышивание некоторых деталей орнамента не закончено.

Орнамент. Место для сетки окружено рамкой из розеток и треугольников. Ниже расположен ряд розеток. Еще ниже — изображения двух птиц, помещенных вниз головой, с деревом между ними; затем снова ряд розеток. В самом низу — изображения двух птиц, смотрящих в одну сторону, и треугольника с зубчиками между ними.

Центральное поле с трех сторон (снизу и с боков) опоясано каймой из розеток. Внешняя кайма состоит из изображений птиц, с зубчиками внизу и с завитками вверху; некоторые из завитков напоминают собой птиц; между птицами расположены треугольники с зубчиками, а в середине верхней и нижней частей каймы — фигуры деревьев.

Все птицы красного цвета разных оттенков; помимо красного, в остальном орнаменте — зеленый, желтый, синий и черный цвета.

Детальное рассмотрение публикуемых лицевых занавесок показывает, что большинство из них, а именно семь штук (№№ 1—4, 8—10), происходящих из Дарваза, Вахио и Каратегина, по технике и характеру выполнения, а также по содержанию орнамента, его композиции и трактовке, могут быть отнесены к одному общему типу.

Все они выполнены на куске бумажной ткани, квадратной или прямоугольной, но близкой к квадратной форме, в верхней части которого, посредине, прорезано небольшое прямоугольное отверстие для глаз, затканное сеткой-филе из белых шелковых ниток. В верхних углах прикреплены завязки с кистями (в некоторых экземплярах утраченные) для укрепления занавески на голове. Ширина самого полотнища занавески и длина завязок показывают, что занавеска должна была укрепляться не непосредственно на голове, а на головном уборе довольно значительного диаметра. Края всего полотнища обшивались черной, плетеной из шелковых ниток, тесьмой.

Почти вся поверхность полотнища покрывалась орнаментом, вышиваемым цветными шелковыми нитками. Прежде чем приступить к вышиванию, контуры орнамента размечались и прочерчивались, а затем делалась наметка черными нитками. Орнамент вышивался особым швом; этот шов давал возможность максимальной экономии ниток, поскольку все стежки оказывались на правой стороне, а на левую ниток почти не тратилось.

Общая композиция орнамента почти на всех занавесках одинакова. Центральное поле представляет собой вытянутый в длину прямоугольник, разделенный, как правило, на несколько горизонтальных полос, в верхней из которых помещается сетка для глаз. С боков и снизу центральное поле обрамлено одной или двумя каймами. По краям всего полотнища идет еще одна, обычно более широкая кайма. Все эти части отделены друг от друга линиями, вышитыми красными нитками.

Основные сюжеты орнамента — изображения птиц, стилизованных деревьев, треугольники, а также розетки различных видов и форм.

Общая трактовка птиц говорит о том, что они скорее всего изображают петуха. На многих фигурах птиц имеется гребень на голове, борода ниже клюва, хвост высоко поднят и закручен. Следует отметить в связи с этим, что и само население склонно видеть в этом изображении петуха — *хрус*, иногда же павлина — *тоус*. В некоторых случаях вместо целой птицы изображались задние половины птиц, составленные попарно; такая фигура имеет два хвоста (см., например, рубанд № 3, а также рубанды альбома Бобринского, табл. VII и VIII). Во многих случаях изображения птиц снабжены зубчиками, которые покрывают или края всей нижней части птицы, или же ее задней части. Верхние края фигур снабжены завитками, изображающими, повидимому, гребень, а также растрепанные перья птицы, особенно на хвосте; однако нередко в этих завитках можно подметить очертания маленьких птичек, часто сидящих попарно. Считаем весьма существенным отметить, что изображения этих птиц в подавляющем большинстве случаев вышиты красными нитками. Имеются, правда, и отступления от этого правила; таков, например, рубанд № 8 из числа описанных, а также рубанды из коллекции Бобринского, изображенные на его цветных таблицах IV и VIII. Однако можно думать, что это лишь отступление от общей традиции делать изображения птиц красными.

Изображения деревьев сильно стилизованы, на рубандах они встречаются не так часто; в основном их назначение — как бы отделять птиц друг от друга. Нередко деревья покоятся на основании, имеющем форму треугольника. Часто эти треугольники в свою очередь служат разделителями между рядом стоящими птицами, не неся на себе изображений деревьев. Весьма любопытно, что в большинстве случаев треугольники снабжены располагающимися на них как бы уступами зубчиками — такими же, как у изображений птиц. Как изображения деревьев, так и треугольники, вышиты нитками разнообразных цветов.

Стилизованные изображения цветов, которые мы здесь условно назвали розетками, весьма разнообразны по своему виду и формам. Они, как правило, многоцветны и в основном являются орнаментом, украшающим нижнюю часть центрального поля, а также внутренней каймы, обрамляющей центральное поле с трех сторон; на внешней кайме они, как мы видели выше, уступают место изображениям птиц. Нам лично пришлось слышать от местных жителей, что все эти розетки — цветы — называют общим названием *гули алоу* 'огненные цветы', хотя они далеко не всегда вышиваются красными нитками.

Резкий контраст с только что разобранными рубандами представляют три рубанда (№№ 5, 6, 7) из припамирских районов. Как видно из описания, эти последние по существу являются просто куском тюля или белой материи со слабыми следами орнамента, вышитого по белому белыми же нитками, или же, наконец, представляют собой сплошную белую вышивку-филе. Цветной орнамент на всех трех вышивках отсутствует, за исключением небольшой цветной полосы, пришитой сверху к полотнищу рубанда № 5. Однако очень характерно, что ни на одном из рубандов мы не находим изображений птиц.

Тем не менее нельзя сказать, что между памирскими рубандами и рубандами дарвазскими нет ничего общего. Это общее можно, например, усмотреть в том, что рубанды из коллекции Бобринского с верхнего течения р. Хингоу, помещенные в альбоме на таблице VI, имеют такое же центральное поле, как и припамирский рубанд № 5: оно представляет собой вышивку-филе с орнаментом, несколько напоминающим орнамент на только что названном припамирском рубанде. Однако на этих

двух рубандах из верхнего Вахио имеется внешняя кайма с изображениями птиц, чего мы не находим на припамирском рубанде. Другой пример такого сходства мы усматриваем в наличии на припамирском рубанде № 6 мелких треугольников-зубчиков, расположенных уступами, каковые мы находим почти на всех дарвазских рубандах.

Таким образом, при резком различии дарвазских и припамирских рубандов, в них все же можно усмотреть и некоторые элементы сходства.

В начале статьи мы уже привели свидетельства А. А. Бобринского и А. А. Семенова о том, что рубанды употреблялись женщинами лишь в особо торжественных случаях. То же отмечает и И. И. Зарубин в музейном коллекционном описании рубанда, публикуемого нами под № 5.

Насколько нам известно из собранных на месте материалов, единственным торжественным случаем, при котором надевался рубанд, была свадьба. Рубанд являлся свадебной лицевой занавеской невесты. Об этом же пишет и М. С. Андреев: „Заговорив о вышивках, не могу обойти молчанием прелестные старинные образчики этого искусства, встречающиеся в покрывалах для лица невесты, называемых «ру-банд»“.¹ Более того, рубанды, повидимому, предназначались не вообще для ношения их невестой-новобрачной во весь длительный период брачных церемоний, а были связаны с определенным, довольно коротким моментом самой свадьбы, а именно с моментом переезда новобрачной в дом ее мужа и первыми церемониями в этом доме.

По существу рубанд надевался его владелицей раз в жизни (в случае повторного замужества — два или три), а затем хранился в сундуке вместе с другими семейными ценностями и впоследствии по наследству переходил к одной из дочерей, а затем к внучке. При общей бедности в прошлом населения горного Таджикистана, такие рубанды, стоившие, повидимому, довольно дорого, не могли быть достоянием женщины в каждой семье и были доступны лишь женщинам из более состоятельных семей. Это обстоятельство, как мы видели, отмечали и упомянутые выше исследователи. Сказанное не означает, однако, что невесты менее состоятельных и бедных семей обходились в соответствующий момент без свадебной лицевой занавески. Но здесь богато расшитый рубанд заменяли каким-либо более скромным покрывалом или же простым куском материи.

Ниже мы остановимся несколько более подробно на тех обрядах и церемониях, которые были непосредственно связаны с надеванием рубанда.

Бракосочетание у горных таджиков в прежнее время представляло собой ряд сложных церемоний и растягивалось на довольно продолжительный период, начинаясь со сговора и помолвки и заканчиваясь так называемым большим праздником *туи калон* или праздником увоза молодой *туи арусбари*.

Этот праздник состоял из следующих церемоний: сборы жениха и приезд его в дом девушки, обряд бракосочетания, угощение и веселье в доме девушки, отъезд новобрачного в свой дом, переезд новобрачной в дом мужа, празднество и церемонии в доме мужа, в частности, церемония лицезрения новобрачной. Отметим, что в течение всего периода бракосочетания, начиная со сватовства и сговора, девушка редко показывалась среди посторонних, а с женихом виделась

¹ М. С. Андреев, ук. соч., стр. 17.

лишь во время допускавшихся обычаем тайных свиданий. Не касаясь всех перечисленных здесь обычаев и церемоний, остановимся лишь на последних из них, начиная со сбора новобрачной к переезду в дом мужа.

По окончании бракосочетания, веселья и угощения в доме новобрачной, сидевшую в отдельном помещении среди своих подруг девушку начинали готовить к отъезду в дом мужа.

В горном Таджикистане в старое время при малом распространении привозных фабричных товаров особой роскошью являлись принадлежности одежды, приобретенные в городах. Поэтому и принадлежности костюма новобрачной, в значительной части доставлявшиеся женихом, частично состояли из привозных вещей. В число таких предметов входила привозная обувь — мягкие кожаные сапоги с тонкой подошвой и без каблука (*махси*), носившиеся исключительно с остроносими галошами. Привозными обычно были как материал, употреблявшийся на платье невесты, так и многочисленные, различных размеров, платки. С другой стороны, несомненно самобытный характер носили различные вышивки, которыми украшались принадлежности костюма новобрачной, ворот рубахи — *пешак*, рукава — *саростин*, а также интересующие нас в данной статье рубанды.

Костюм новобрачной в горном Таджикистане состоял из нескольких платьев-рубаш, надевающихся одна на другую, шаровар *махси* с галошами. На голове новобрачной делали круглую накладку из ваты, которую затем повязывали чалмой или платком, после чего надевали рубанд, закрывающий лицо, а также набрасывали на девушку большие платки, спускавшиеся чуть не до земли и скрывавшие всю ее фигуру.

В 1945 г. Е. М. Пещеревой пришлось присутствовать в кишл. Сары-Шухон (Каратегин) при одевании новобрачной. На невесту надели две рубахи — белую нижнюю с расшитыми концами рукавов, высовывавшихся наружу, и верхнюю — из цветного шелка. Натянув кончики штанов как чулки на пальцы ног, невеста надела *махси*. После этого на нее надели еще две цветные рубахи, а на голову набросили сложенный углом белый платок. Затем комками ваты обложили голову невесты и обмотали ее сверху платком. Внутри *махси* и галош насовали *хамели донаки зардолю* — нанизанные на нитки ядрышки абрикосовых косточек, сушеный тут и ядрышки грецких орехов. Все это плоды многоплодовых деревьев, что, по поверью, должно было способствовать многодетности. Вместо рубанда спереди на голову ей набросили большой платок. Поверх этого платка накинули домотканый темно-красный шелковый платок; оба эти платка закрыли всю фигуру девушки. Платки надо лбом невесты скрепили иголкой с ниткой и иглу закололи в платок, — по поверью, игла с ниткой „должна сделать чистым предстоящий путь и устранить опасность“.

Само собой понятно, что костюм новобрачной, подобный только что описанному, лишает ее возможности свободно передвигаться. Но при передвижении новобрачная и не обходилась без посторонней помощи — ее вели под руки, сажали на лошадь, на которой она должна была ехать в дом мужа, а также снимали с лошади.

После окончания обряда бракосочетания и до увоза молодой в дом мужа, последний в ряде мест по обычаю приходил на короткое время к новобрачной, в других местах уезжал в свой дом, не повидав ее.

Перед самым отъездом молодой из своего дома спешно снимали занавеску — *чимилик*, отгораживавшую угол, в котором сидела ново-

брачная в продолжение всего времени бракосочетания и веселья; эту занавеску несли или везли в дом мужа, чтобы там повесить ее на соответствующее место в почетном углу свадебного покоя.

Во время сборов молодая обычно плакала, отказывалась ехать, отказывалась встать с места. Ей обещали различные подарки или тут же дарили какую-либо вещь.

У припамирских таджиков при отъезде молодой из дома одна из женщин брала немного муки и подбрасывала ее трижды вверх к дымовому отверстию, а затем с криком *кынора* 'в сторону' бросала муку по разу над дверью и по бокам ее, а затем трижды перед второй (наружной) дверью и выбегала наружу. Все гости выходили вслед за ней. На очаге разводили курение, молодая подходила к нему, притрагивалась рукой как можно ближе к тому месту, где дымилось курение, и подносила руку к губам, потом ко лбу; взяв щепотку золы из очага, она опускала ее себе за голенище.

На дворе новобрачная прощалась с родными, плакала, ее сажали на лошадь. Если она не могла самостоятельно ехать верхом, то на лошадь садился кто-либо из близких родственников, а девушку сажали сзади него. Если же девушка могла сидеть в седле сама, то указанный родственник шел впереди пешком, ведя лошадь под уздцы. При отъезде из дома новобрачную осыпали сушеными фруктами, орехами, которые тут же подбирались ребятишками.

Приезд новобрачной в дом мужа сопровождался у горных таджиков многочисленными обрядами. Один из них заключался в том, что новобрачную верхом на лошади несколько раз обвозили вокруг костра. Мужчина, привезший новобрачную, позволял снять ее с лошади и отпускал уздечку лишь после того, как его одаривали. В долине Ванджа он снимал молодую с лошади и отводил ее в дом, крепко держась за край ее лицевой занавески; в доме он требовал выкупа и лишь после этого отпускал занавеску. Так же как и в другие моменты свадебных действий, во время прибытия молодой в дом мужа производилось осыпание молодой, а часто и молодого, мукой, орехами, сухими фруктами, мелкими деньгами. Иногда при входе новобрачной в помещение производилось окуривание ее дымом руты — *испанд*.

Молодая в доме мужа обычно садилась в угол за занавеску, за которой она сидела в своем доме и которую заранее привозили. Эту занавеску вешала одна из родственниц жениха, известная своей многодетностью. Местами существовал также обычай, согласно которому, после того как новобрачную приводили за свадебную занавеску, ей на колени сажали мальчика; молодая затем дарила мальчику рубаху. По словам местных жителей, это делалось для того, чтобы у новобрачной было много детей.

Одним из обрядов, распространенным повсеместно среди таджиков и выполнявшимся после привоза новобрачной в дом мужа, являлся *рубник* 'смотрение лица' новобрачной (*бин* — основа наст. врем. глагола 'видеть', *ик* — суффикс отглагольного имени). Выполнялся он в тот же день или в один из последующих дней, иногда на следующий день после приезда молодой в дом мужа. Обряд этот заключался в том, что кто-либо из присутствующих поднимал занавеску — *рубанд* — с лица новобрачной, и родные жениха, поочередно подходя к ней, смотрели ее лицо, одновременно одаривая молодую.

Среди припамирских таджиков, по сообщению М. С. Андреева *падар-хон* 'посаженный отец невесты', обычно один из ее близких родственников, например дядя, приподнимал занавеску новобрачной скалкой

для раскатывания теста, которая давалась мулле и которую он обычно держал в руках во время обряда бракосочетания. При этом *'падар-хон'* дарил новобрачной новый наряд и корову. Затем присутствовавшим раздавалось угощение, привезенное вместе с новобрачной из дома ее отца.¹

По словам А. А. Бобринского, среди тех же припамирских таджиков перед совершением *рубника* молодой лично резал барана, мясо которого затем зажаривали и раскладывали на двух больших хлебах, причем на один из них клали только голову. Затем кто-либо из молодых людей подходил к новобрачной и палочкой приподнимал платок, закрывавший ее лицо; в награду за это он получал голову барана и два хлеба.²

Однако нам хорошо известно, что в припамирских районах существовал весьма любопытный обычай поднимать занавеску с лица новобрачной стрелой, а не палочкой. Обычай этот существовал до недавнего времени, хотя сама стрельба стрелой из лука среди припамирских таджиков давно уже отошла в область предания. О поднимании занавески с лица невесты стрелой мы имеем интересное сообщение И. И. Зарубина.³ Об этом же обычае нам неоднократно приходилось слышать от таджиков — уроженцев западного Памира.⁴

По сообщению И. И. Зарубина, в Шугнанах лицо новобрачной поручали открыть кому-либо из молодых людей, который имел в живых обоих родителей и которого называли в этом случае „отцом“ девушки. С этой целью ему давали лук, обычно употребляемый для разрыхления шерсти, и заостренную, свежеебструганную палочку, называемую стрелой. Он слегка натягивал тетиву лука, как бы для выстрела, и концом стрелы трижды приподнимал занавеску с лица новобрачной. В третий раз он отбрасывал занавеску назад, после чего стрелу втыкали руками в узкое пространство между двумя балками над очагом. Это последнее действие якобы означало, что молодая, так же как и стрела, будет крепко привязана к дому мужа. В долине Бартанга и в Рушанах при каждой попытке поднять стрелой занавеску все присутствующие громко кричали „хон, хон, хон“, а после поднятия занавески стрелу не втыкали над очагом, а с теми же самыми криками трижды стреляли ею из лука в дымовое отверстие, действительно попадая в него лишь последний раз.⁵

По устному сообщению Е. М. Пещеревой, в Каратегине *рубник* совершался вслед за тем, как новобрачная вместе с прибывшей с ней родственницей усаживалась за висевшей в углу свадебной занавеской, куда входили и ближайшие родственницы молодого. Молодая вставала, пришедшие поднимали занавеску с ее лица, поочередно целовали ее и подсовывали ей под платок деньги. Затем с ее головы снимали вату и раздавали ее по кусочку всем, не исключая и детей.

Затем приступали к раздаче привезенного из дома новобрачной угощения — орехов, сушеных тутовых ягод, вслед за чем подавался

¹ М. С. Андреев и А. А. Половцев. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишканим и Вахан. Сб. Музея антропологии и этнографии, вып. IX, 1911, стр. 14.

² А. А. Бобринской. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908, стр. 94.

³ Ив. Зарубин. Дополнения к статье Н. И. Веселовского „Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение“. Зап. Коллегии востоковедов, т. I, 1925.

⁴ В частности, личное сообщение лауреата Сталинской премии поэта М. Миршарова.

⁵ Ив. Зарубин, ук. соч., стр. 92.

хлеб, сдобное печенье — *орзук* и тутовый сироп — *ширини*. По объяснению самих таджиков, орехи и тутовые ягоды символизировали плодородие молодой, а *ширини* — согласную жизнь новобрачных. *Рубиник* продолжался и все последующие дни — приходящие впервые родственники и знакомые смотрели новобрачную и дарили ей что-либо, старухи обязательно приносили вату.

В Вахио *рубиник* устраивался в день приезда новобрачной. С ее лица откидывали рубанд и одновременно сыпали ей в подол сушеный тут и различные сласти. Затем снимали покрывало, с головы снимали вату и кусочки ее раздавали женщинам, которые вплетали эту вату в свои косы. Снимали также лишние рубашки с новобрачной. Она сидела на корточках, прикрывшись платком. Присутствующим женщинам раздавали угощение, привезенное вместе с молодой из дома ее отца, отсутствовавшим родным и знакомым угощение посылалось на дом.

В Дарвазе *рубиник* также совершался в день приезда молодой. Женщины — родственницы жениха — приходили за занавеску и просили, чтобы им показали молодую.

Церемония *рубиник* совершалась и в других районах Таджикистана. На Заравшане занавеску с лица невесты палочкой отбрасывал мальчик.¹ На Ягнобе, по сообщению Е. М. Пещеревой, занавеску с лица молодой поднимала пожилая женщина двумя хлебными лепешками. В Шахристане во время церемонии *рубиник* новобрачная стояла в парандже, а лицо ее было закрыто легким белым покрывалом. Родственницы жениха подходили к ней поочередно, целовали ее через материю и клали рядом с ней подарки.²

Часто после церемонии *рубиник* новобрачная еще в течение нескольких дней не показывалась вне дома и перед посторонними с открытым лицом, однако в общем можно сказать, что после этой церемонии период закрывания ею своего лица заканчивался.

Переходя к вопросу о назначении лицевых занавесок горных таджиков — рубанд, следует прежде всего указать, что их бытование отнюдь не было связано с широко известным затворничеством мусульманской женщины в странах Востока. В противоположность женщине оседлого населения равнинных районов Средней Азии, а в особенности городов, где паранджу и лицевую занавеску из конского волоса — чашмбанд (чачван) носили женщины не только во время совершения каких-либо церемоний и, в частности, свадьбы, но и в повседневном быту, горная таджичка, равно как и женщина у кочевых народов, ходила с открытым лицом.

Но, с другой стороны, если женщина у кочевых народов, подобно горной таджичке, обычно ходила открытой, то точно так же, подобно этой последней, в известные моменты свадебных церемоний, в особенности же после совершения обряда бракосочетания и при переезде в дом мужа, женщина-кочевница закрывала свое лицо.

Подробно останавливаться здесь на этом вопросе нет необходимости, поэтому мы ограничимся лишь несколькими примерами. Так, у казахов в прежнее время новобрачная переезжала в юрту мужа, закры-

¹ А. Гребенкин. Заметки о Когистане. Газ. „Туркестанские ведомости“, 1872, №№ 30—31.

² О. А. Сухарева. Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристан. Сб. научн. кружка при Вост. факульт. Среднеаз. Гос. унив., вып. 1, Ташкент, 1928, стр. 88.

тая шалью, преимущественно красного цвета.¹ После ее приезда совершался обряд смотрения лица новобрачной; собирались все родственники мужа, и каждый, начиная с отца новобрачного, приподнимал покрывало с лица девушки, обещая при этом ей подарок.²

У киргизов при переезде молодой в дом мужа ей на голову надевали свадебный головной убор *шөкүлө*, одновременно закрывали лицо покрывалом *бүркөнчөк*. В тот момент, когда девушка слезала с лошади, не доезжая до дома мужа, кто-нибудь из ребят снимал с нее покрывало и убегал к дому. В ряде мест, когда молодую вели в юрту свекра, перед входом ее поджидал какой-нибудь мальчик и палкой снимал с нее платок, закрывавший лицо; обряд этот носил название *бүркөнчөк*.³

Обычай открывания лица невесты существовал и у полукучевых в прошлом узбеков племени Кунград.⁴ У небольших ираноязычных полукучевых народностей джемшидов и хазара „при обряде невесты сверх обычного головного убора надевали шелковое покрывало — *ruband*, чаще всего красного цвета, иногда зеленого, спускавшееся на лицо и на грудь“.⁵

Однако ни у упомянутых кочевых или полукучевых в прошлом народов, ни у оседлого населения Средней Азии, Ирана и Афганистана, где бытовало женское покрывало-паранджа (фаранджи) или чадра (чадур), насколько нам известно, не существовало в недалеком прошлом и не существует в настоящее время специальной столь богато орнаментированной свадебной лицевой занавески, как рубанд горных таджиков. Обычно молодую при переезде в дом мужа покрывали, как мы видели, платком, шалью, куском ткани; у таджиков северных районов, а также у узбеков, ее везли в парандже и с лицом, закрытым чачваном, часто накидывали на новобрачную большое вышитое покрывало-сюзана, иногда богато орнаментированное, но не являющееся специально свадебной лицевой занавеской.

Покрывание головы и лица новобрачной, как известно, имело место не только на Востоке, оно было широко распространено у многих народов, в частности, и у русских.⁶ Весьма многочисленны были также и объяснения этого обычая.⁷ Мы не имеем возможности в рамках данной статьи остановиться на этой проблеме в целом, а ограничимся лишь рассмотрением вопроса о назначении свадебного лицевого покрывала горных таджичек — рубанда, исходя из тех фактов, которые дает

¹ Устное сообщение аспиранта Института этнографии АН СССР В. В. Вострова.

² В. Д. Троинов. Обычаи и обычное право киргиз. Зап. Русск. Геогр. общ. по Отдел. этногр., т. XVII, вып. II, СПб., 1891; Х. Кустанаев. Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов. Ташкент, 1894.

³ Устное сообщение С. М. Абрамзона.

⁴ Л. П. Потапов. Материалы по семейно-родовому строю у узбеков Кунград. Журн. „Научная мысль“, Ташкент, 1930, № 1, стр. 50.

⁵ Э. Г. Гафферберг. Формы брака и свадебные обряды у джемшидов и хазара. Советская этнография, 1936, № 1, стр. 97.

⁶ См., например: А. Смирнов. Обычаи и обряды русской народной свадьбы. Юридический вестник, 1878, № 7, стр. 999—1003.

⁷ См., например: М. В. Довнар-Запольский, Белорусская свадьба. Этнографическое обозрение, 1899, № 4, стр. 80; Э. Краулей. Мистическая роза, СПб., 1905, стр. 327—334; Л. Я. Штернберг. Новые материалы по свадьбе. Сб. „Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР“, Л., 1926, стр. 6—16; Е. Г. Кагаров. Состав и происхождение свадебной обрядности. Сб. Музея антропологии и этнографии, VIII, стр. 163—165; Е. Г. Кагаров. О значении некоторых русских свадебных обрядов. Изв. Акад. Наук, 1917, № 9.

нам знакомство с обрядами и церемониями самой свадьбы горных таджиков, а также анализ орнамента этого покрывала.

В этой связи прежде всего следует указать на следующее. Детальное изучение всех брачных обычаев горных таджиков в их совокупности показывает, что немалую роль среди них играл обычай избегания. У таджиков избегание практиковалось как между женихом и родителями невесты, так и между невестой и родителями жениха, а также в течение определенного времени и между самими брачущимися. Кроме того, жених и невеста избегали также и остальных родственников противоположной стороны. Лица, находящиеся в отношениях избегания, не должны были ни разговаривать друг с другом, ни видаться.

Избегание между молодыми людьми и между каждым из них и родственниками другого начиналось с момента сговора и продолжалось иногда в течение многих месяцев, года или большего периода времени, вплоть до переезда новобрачной в дом мужа и совершения церемонии лидезрения молодой — „рубиник“, когда, как мы говорили выше, молодая показывалась родне своего мужа; для новобрачного же избегание родных жены продолжалось даже еще несколько дольше, вплоть до первого приглашения его вместе с женой в дом тестя, так называемого *домод тальбон* 'приглашение зятя'. Что касается отношений между самими брачущимися, то их, если можно так сказать, официальное избегание друг друга, избегание на людях, не мешало тайным добрачным свиданиям, о которых нам пришлось упомянуть выше.

Здесь не место входить в анализ вопроса о генезисе и сущности обычая брачного избегания, который до сих пор еще не получил в науке достаточно удовлетворительного объяснения. Можно лишь отметить, что обычай избегания, повидимому, порожден причинами общественного характера, связанными непосредственно с древними формами семьи и брака, весьма возможно — с отношениями, существовавшими в обществе при матриархате и матрилокальном браке, с отношениями, складывавшимися в отдаленные времена между отдельными родами, вступавшими друг с другом в брачные отношения.

Обычаем избегания главным образом и можно объяснить то обстоятельство, что новобрачная во время всех брачных церемоний всячески скрывалась от всех посторонних, скрывала от них свое лицо и фигуру, не выходила из отведенного для нее помещения. Всем этим запретам и правилам поведения подчинялась не только невеста — новобрачная, им в значительной степени подвергался и жених — новобрачный. По приезде в дом невесты он скрывался от взоров окружающих в толпе друзей, при следовании в брачную комнату и во время самого бракосочетания ему на голову набрасывали халат; иногда по приезде в дом невесты он где-либо тщательно прятался до момента бракосочетания.

Однако рубанд горных таджиков, основное назначение которого, повидимому, определялось наличием в быту обычая избегания, в представлении местного населения должен был нести и другие функции. Для их выяснения обратимся к рассмотрению орнамента рубандов.

Выше уже пришлось упомянуть о том, что в изображении птиц, занимающих, можно сказать, центральное и основное место в орнаменте занавесок, вероятнее всего видеть изображение петуха, а возможно, и павлина. Так, по крайней мере, осмысляет эти изображения

народное сознание, о том же свидетельствует и самое изображение, ближе всего напоминающее петуха.

Вопрос об изображении петуха-павлина и стилизации этого изображения в среднеазиатском орнаменте был подвергнут анализу Г. В. Григорьевым в 1937 г., в его весьма интересной работе „Тус-тупи“.¹ Оставляя здесь в стороне мнение этого автора о том, что узор в виде „большой капли с загнутым хвостом“, столь распространенный в Средней Азии, представляет собой стилизованное туловище петуха-павлина (а также и фазана), можно согласиться с его утверждением, что „петух когда-то являлся культовой птицей и изображение его имело определенные магические функции“.² Г. В. Григорьев приводит в подтверждение своего мнения ряд этнографических примеров, а также литературные данные, характеризующие взгляды на петуха (и курицу) у древнего населения Средней Азии и Ирана, в частности указывая на роль петуха у последователей религии Зороастра.

Напомним здесь лишь о том, что петуху придавали большое значение последователи маздеизма; по учению этой религии, он поддерживал людей в их стремлении к деятельности. Петух считался ближайшим помощником светлого духа Сроаши, защищающим мир от демонов ночи, созданным для борьбы с демонами и колдунами. Своим криком петух „напоминает“ людям о времени молитвы.

В дополнение к приведенным материалам, заимствованным Г. В. Григорьевым у К. А. Иностранцева,³ приведем древнее поверье о петухе, содержащееся в зороастрийской книге сасанидской эпохи „Сад дер Бундехишн“: „Если в доме будет кричать курица или будет кричать не во-время петух, не следует их убивать или считать это за плохое предзнаменование. Ибо они кричат потому, что в этом доме поселился друдж (злой дух, — Н. К.), и курица или петух не имеют силы его изгнать из дома. Курица старается помочь петуху и потому кричит. Затем, если представится случай, следует привести в дом другого петуха, чтобы они вместе побили бы друджа. И если петух поет не во-время, его не следует убивать, так как причина этому та, о которой было сказано. В истинной вере сказано, что есть друдж, называемый сидж; в каждом доме, где имеется ребенок, он старается нанести вред. Необходимо держать кур и петуха, которые могли бы напасть на друджа и не пустить его в дом“.⁴

Таковы древние иранские поверья и значение, которое придалось в них петуху. Отголоски этих поверий сохранялись до недавнего времени и среди горных таджиков. Петух наделялся здесь сверхъестественными свойствами. В одной из своих прежних работ⁵ нам уже приходилось указывать, что, по поверью, петуху, например, было свойственно чувствовать близость трупа; если кто-либо погибал во время снежного обвала и нельзя было определить место, где искать труп погибшего, брали петуха, читали над ним молитву и несли на обвал в уверенности, что над тем местом, где засыпан человек, петух будет кричать.

¹ Г. Григорьев. Тус-тупи (К истории народного узора Востока). Журн. „Искусство“, 1937, № 1, стр. 121—143.

² Там же, стр. 128.

³ К. Иностранцев. Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии. Зап. Вост. отдела Русск. Археол. общ., т. XVIII.

⁴ Садек Хедаят. Нейрангистан. Тегеран, 1312 (1934), стр. 88. На персидском языке; перевод наш.

⁵ Н. А. Кисляков. Охота таджиков долины реки Хингоу — в быту и в фольклоре. Советская этнография, 1937, № 4, стр. 117.

Представление о том, что петух видит или чувствует присутствие злых духов и может прогнать их, было свойственно не только иранским народам; оно распространено было более широко. Однако петух и курица, помимо этой своей роли, играют в свадебной обрядности также и роль оплодотворяющего начала.¹

В этой связи, может быть, следует обратить внимание и на то обстоятельство, что, как уже отмечалось в описании рубандов, на изображениях петухов имеются завитки, нередко представляющие собой сильно стилизованных мелких птичек, сидящих попарно. В этих парных изображениях, может быть, можно видеть также символ супружества, а следовательно и оплодотворяющего начала, как об этом довольно убедительно говорит анализ отдельных мотивов орнамента других народов.² Точно так же можно, вероятно, видеть парные изображения птиц и в орнаменте, который мы встречаем на внешней кайме рубанда № 3 (изображения двух сросшихся птиц).

Мотив двух птиц, разделенных деревом, как пишет А. А. Бобринской, является одним из древних и распространенных орнаментов Азии. Он широко был известен в древних странах Востока, встречается он также и на русских вышивках.³ Мы не имеем возможности входить здесь в подробный анализ этого мотива. Хотелось бы лишь отметить, что изображение дерева, так же как и изображение петуха, как нам представляется, может символизировать собой оплодотворяющее начало.

В связи с изображениями птиц следует сказать еще несколько слов об осмыслении их народным сознанием, с одной стороны, как петухов, с другой стороны — как павлинов. Здесь можно согласиться с мнением Г. В. Григорьева, что „павлин — это тот же петух, но значительно «аристократичнее». Если простой крестьянин или ремесленник продолжали довольствоваться петухом, который ходил по двору и защищал их от всякой нечисти, то по двору крупного торговца или землевладельца разгуливал павлин, как более соответствовавший имущественному положению владельца“.⁴

Выше уже говорилось о том, что рубанды в последнее время бытовали главным образом в зажиточных таджикских семьях. С другой стороны, если павлинов в эпоху арабского завоевания в равнинных селениях Средней Азии держали состоятельные люди у себя во дворах, то в горном Таджикистане еще незадолго до революции среди местной феодальной знати точно так же можно было встретить любителей, державших у себя эту птицу. Так, например, в усадьбе крупного духовного феодала Ишана Султана в кишл. Язганд (Вахио) держали павлинов, служивших украшением сада; держали также павлинов и в саду дарвазского бека (бухарского наместника) в Калаи-Хумбе. Неудивительно поэтому, что на богато вышитых рубандах более скромный петух стал порой осмысляться как роскошный павлин.

Большинство изображений петуха на рубандах вышивали, как отмечалось, красным шелком. Нам представляется, что это не случайно. „Общеизвестно, — пишет Г. В. Григорьев, — что петух символизирует собой огонь. В русской речи это отразилось в том, что фразу «устроить

¹ Е. Г. Кагаров. Состав и происхождение свадебной обрядности. Сб. Музея антропологии и этнографии, т. VIII, Л., 1929, стр. 160.

² Г. Григорьев, ук. соч., стр. 122 (цитируется: А. Иванов. Символический орнамент в Китае. Материалы по этнографии России, II. СПб., 1914, стр. 175).

³ А. А. Бобринской. Орнамент горных таджиков, стр. 16.

⁴ Г. Григорьев, ук. соч., стр. 134.

пожар» иносказательно выражали словами «пустить петуха», «пустить красного петуха».¹ В отношении изучаемых нами рубандов это положение находит себе интересную параллель в том, что и другой орнамент на них, а именно стилизованные цветы-розетки у местных таджиков носят название *гули алоу* 'огненные цветы', 'цветы огня', независимо от того, какого они цвета, хотя красный цвет здесь все же часто является преобладающим, так же как и в изображении петухов.

Мы не имеем намерения останавливаться здесь на более детальном анализе растительного орнамента рубандов — розеток. Нам хотелось бы обратить внимание лишь на одну деталь, а именно на наличие в припамирском рубанде № 5 фигур, напоминающих наконечник стрелы.

Анализ значения некоторых мотивов орнамента рубандов горных таджиков, как представляется, с несомненностью говорит о том, что одним из назначений рубанда являлась защита новобрачной от пагубного влияния злого начала, злых сил, стремящихся, по народному поверью, нанести вред девушке в один из самых важных и значительных моментов ее личной жизни.

Защитой, оберегом против этих злых сил считался петух, изображение которого занимает главное место в орнаменте рубандов из Каратегина, Вахио и Дарваза. Неслучайно, вероятно, и то обстоятельство, что большинство изображений петуха имеет красный цвет, который и вообще преобладает в цветовой гамме рубанда. По народным воззрениям, красный цвет, поскольку он связан с представлением об огне, сам по себе должен обладать свойством устранять опасность, отпугивать злую силу. Как мы видели, и у других народов (например, у казахов, хазара и джемшидов) для покрывала новобрачной предпочтительным являлся красный цвет; красным было и свадебное покрывало в древнем Риме — *flammeum*, термин, производный от *flamma* 'огонь', 'пламя'. В этой же связи следует, повидимому, рассматривать и термин „гули алоу“, который таджики применяют к растительному орнаменту на рубандах.

Возможно, что и многочисленные зубчики на изображениях петуха и на других мотивах орнамента рассматривались как оберег; по форме они напоминают маленькие треугольные (матерчатые или кожаные) амулеты *туморча*, которые в прошлом пришивались к одежде или надевались на шнурке на шею как людям, так и животным.

Защитительная функция рубанда тесно увязывается с рядом обрядов и церемоний, исполнявшихся при переезде новобрачной в дом мужа. Сюда относятся описанные нами выше обряды — скрепление платков на голове новобрачной иглой и вкалывание иглы в платок, выбегание перед отправлением невесты из ее дома женщины с криком *кынора* 'в сторону', окуривание новобрачной, обведение ее вокруг костра, не говоря уже о самом факте закутывания всей ее фигуры и закрывания ее лица от постороннего взгляда.

Действием, имевшим своей целью отвращение злых сил, являлось также, повидимому, и поднимание наконечником стрелы рубанда новобрачной у припамирских таджиков. Вопрос этот со всей подробностью был разобран И. И. Зарубиным в цитированной выше его работе,² и поэтому нет необходимости останавливаться на нем здесь. Нам представляется, однако, существенным обратить внимание на то обстоятель-

¹ Г. Григорьев, ук. соч., стр. 139.

² Ив. Зарубин. Дополнения к статье Н. И. Веселовского „Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение“.

ство, что упомянутая фигура в вышивке припамирского рубанда № 5, напоминающая наконечник стрелы, может быть, находилась в связи с обычаем поднимания рубанда стрелой, а также и сама по себе являлась оберегом.¹

Помимо роли защитительного средства, которую должен был выполнять рубанд, можно предполагать, что другим его назначением было „содействие“ плодovitости молодоженов, появлению у них многочисленного потомства. На эту его функцию указывают в орнаменте рубанда как изображение петуха самого по себе, так и фигуры мелких птиц, сидящих как бы парами, изображения спаренных птиц, наконец, изображения деревьев. Эта функция рубанда, точно так же как и предыдущая, тесно увязывается с целой группой обрядов и церемоний, относившихся к переходу новобрачной в дом мужа и, несомненно, имевших целью сделать новобрачных чадородными (на колени новобрачной сажали мальчика, рубанд поднимал также именно мальчик, молодой за голенище сапог клали плоды многоплодных деревьев, молодых осыпали зернами и плодами, в церемониях участвовали женщины, имеющие много детей).

Как религиозно-магические представления, породившие уверенность в необходимости защиты новобрачной от злой силы, так и общественные отношения, вызвавшие обычай избегания, возникли, повидимому, в весьма далеком прошлом, в эпоху господства первобытно-общинного строя. Это заставляет нас полагать, что и свадебная лицевая занавеска горных таджиков появилась в быту очень давно.

Необходимо отметить, что свадебные обряды у таджиков наглядно показывали зависимое, приниженное положение женщины в семье и в обществе, являлись яркой иллюстрацией брака по неволе, по принуждению.

В настоящее время, с преобразованием всей жизни горного Таджикистана на новых, социалистических началах, с коренными изменениями не только в хозяйстве и в быту, но и в идеологии таджикского колхозного крестьянства, как религиозно-магические суеверия, так и обычаи, связанные с избеганием, отошли в область предания, вместе с ними исчезла из быта и лицевая занавеска. Однако яркий и многокрасочный рубанд горных таджиков сохранился в наших коллекционных собраниях как своеобразный памятник народного изобразительного искусства, народного творчества.

¹ Поскольку мать владелицы рубанда была родом из Читрала, возникает вопрос: не происходит ли этот рубанд из Читрала? О каких-то связях припамирских районов в области прикладного искусства с Читралом в прошлом свидетельствует следующее замечание М. С. Андреева: „В верхней части Рушана и в Шунгане нам попадался еще способ вязанья чулок, называемый «читральским», что, повидимому, указывает на происхождение этого приема вязанья из Читрала“ (Орнамент горных таджиков и киргизов Памира, стр. 18).